

Бессмертие

Трилогия. Часть III

16+

Олег Мироненко

Олег Мироненко

Бессмертие. Трилогия. Часть III

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мироненко О.

Бессмертие. Трилогия. Часть III / О. Мироненко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Заключительная часть трилогии. Пора прощаться с нашими героями. И жить дальше. Вместе с ними. Если скажут: "Он умер", - не верьте. Я воскрес. Я познал бессмертие.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Часть 1

Глава 1

– ... Вот так-то, паря, – самозабвенно вещал кот, упиваясь звуками своего голоса. – Настоящий мужик должен иметь повадки кота. Настоящего, разумеется. Он должен приходить и уходить, снисходительно позволять себя кормить и чесать в нужных местах, и – ни в коем, ни в коем случае! – не делать того, что ему претит. Свобода воли, так сказать, в самой что ни на есть пленительной непосредственности.

Серьёзный мальчуган лет так двенадцати отроду (по принятым кое-где меркам) кивнул.

– Ну, тогда почеси спинку, – вальяжно развалился оратор.

– Не буду, – последовал спокойный ответ.

– Эт-то ишо почему?

– Боюсь, что после этого наша беседа потеряет свою пленительную непосредственность.

Я пошёл.

Он не улыбнулся – он никогда не улыбался.

– Ты к черномору, али к богатырям? – несколько обиженно осведомился кот в уходящую спину, и, не дождавшись ответа, проворчал: – Кого-то этот несносный ребёнок всё больше и больше мне напоминает...

К Лукоморью подкрадывался вечер, по еле уловимому привкусу скорее всё же июльский, чем майский или сентябрьский: деление на времена года здесь было весьма условным, а снег мог выпасть только по прихоти Кирилла. Баба-яга тогда яростно топила печку и обещала заставить метлу собрать большущий сугроб и засунуть туда «фулюгана». Она знала, что такое зима. Кирилл узнал об этом сначала из рассказов лешего, а потом уж и сам увидел в трансмедитации; а раз увидел, то уже был способен и воспроизвести. По просьбам того же ностальгирующего лешего.

К черномору пока не хотелось, а вот по богатырям он успел соскучиться. Два дня они не выходили на берег, но сегодня-то уж должны были появиться непременно. И точно: когда он увидел море, дядька Степаныч уверенно рассекал грудью волны. Странное это было море, будто нарисованное: налитое синей тяжестью, с небрежными фиолетовыми переходами, с застывшими барашками на лениво струящихся в одну сторону гребнях, со зримым далёко песчаным дном, вдоль которого извивались рыбы не рыбы, гады не гады – не пойми что, одним словом. И пахло от этого моря красками детства. И висел над ним желтый кружок солнца в короне лучей, тоже как будто нарисованный с безыскусной гениальностью.

Богатыри проступали из синевы на свет, в золотых доспехах, синеглазые и статные – та ещё бородастая порода. Доспехи аккуратно снимались и ложились на песок рядом с мечами, щитами и воткнутыми копьями, и вот на берегу уже оказались более чем три десятка мужиков в исподнем, с оберегами на шеях. Обереги были самые разные, и вешались они по два: одни подобранные в море, другие – с земли. Ракушки и куриные божки, жемчуга и хитроумное сплетение сучков, выточенные куски коры и сушённые морские коньки... много, много чего ещё разного висело на богатырских шеях. Дядька не раз предлагал мальчику надеть что-нибудь на свой выбор, но тот лишь качал головой, и Степаныч, подумав, в конце признал-таки его правоту: зачем живому оберегу нужен застывший кусок янтаря?

– Здорово, малец, – пророкотал Степаныч, подбрасывая серьёзного мальчугана в воздух и бережно ставя на песок. – Как успехи в борьбе со вселенским злом?

Дядька за время своей добровольной командировки на грешную землю успел изрядно обрасти сарказмом, из-за чего общаться с ним порой бывало тяжеловато. Кирилла, впрочем, это никак не задевало.

– Спасибо, пока сохраняем равновесие. А вы где были эти два дня? Опять у кита?

– Ну а где же ещё? Устал я от него. Вон, Лёха тебе сейчас расскажет, что это чудо-юдо доморощенное опять удумало.

Лёха, заранее улыбаясь, тут же включился в беседу и заработал на публику, грамотно делая паузы и уверенно тараща глаза:

– А что? Ещё как расскажу. Заскучала наша рыба-кит... наш кит-рыба... тьфу ты! – запутался... Короче, хандра опять зверя диковинного одолела. И вроде бы как все мы его повадки уже изучили – но тут удивил он нас, да... Не было на этот раз ни проглоченных кораблей, им же и сотворённых, ни бури несусветной, ни невесть откуда взявшихся слонов с черепахой – нет!... Ты спросишь – а что же было-то?

Лёха сглотнул, подождал и выдохнул:

– А радугу наш чудо-кит захотел увидеть, вот что! Решил, значит, набрать воды и пустить струю на солнце. Он откуда про это проведать-то мог, а?

Мальчуган пожал плечами:

– Он фантазмагорическая картина мироздания. Радуга вполне вписывается в эту картину.

Лёха озадаченно посмотрел на него, потом продолжил:

– Чего? Ну да ладно... Подоспели мы, в общем-то, вовремя – спасибо дельфинам, подвезли: он только собрался под воду уходить, чтобы значит, как ты выражаешься, образовать какой-то там временный престранный излом, а тут – бац! – и мы ему поперёк дороги. Полдня шеломами ему воду куда-то в башку заливали, и аккурат я было сунулся посмотреть, что там у него в башке творится, так он – отомстил, отомстил! Минуты три я летел вверх на струе, а потом ещё столько же – вниз, но уже сам по себе. Я ведь так мог и головой о небесный свод удариться, да?

Мальчик покачал головой.

– Нет. Этой концепции не хватает изящности.

– Чего? Ладно, ладно... Приземлился – то есть, приводнился – я так себе: лежу, значит, в ушах шумит, и тут, смотрю – ещё кто-то на меня летит, орёт и руками машет...

– А ну, хватит трещать, – резко вмешался в разговор дядька. – Было и было. Два дня в суеде потратили: наливали да летали, летали да наливали... – Скопившееся раздражение прорвалось.

– Ну, а радуга-то была? – поинтересовался мальчик.

– Была, – разом кивнули Степаныч и Лёха.

Последний тут же попытался было добавить:

– Не все, правда её видели... – но тут Степаныч («Хватит, говорю, трещать») двинул его по загривку, и Лёха обиженно замолк.

– Так, – тут же перехватил инициативу дядька. – Пора бы и размяться. Ну-ка, кто тут на меня?

Воздух наполнился сопеньем, кряхтеньем, гортанными вскриками, шумом топчущихся и падающих тел – богатыри мерились силушкой. Дядька собрал вокруг себя троих и поочередно расшвыривал их в стороны, пока один наконец не изловчился: круто подсел под него и даже попытался было перекинуть за спину, но не осилил и упал на песок вместе с вожакон, тут же в отместку немедленно принявшегося соперника дубасить. Вообще приёмы встречались самые разнообразные: от подсечек до сшибки грудью, а кое-кто с успехом применил и болевой на руку, заставив истошно завопить соперника. Запыхавшись, богатыри уселись в кружок

и попросили Кирилла «изобразить что-либо из мордобоя диковинное». Мальчуган прикрыл глаза, настраиваясь и подключаясь к нужному полю информации, а потом поочередно изобразил «дракона», «тигра» и «богомла» из арсенала китайского ушу. Богатыри смотрели и фыркали, а бойкий на язычок Лёха выразил общее мнение:

– Нам с нашими плечами да рычагами пришибить их – плёвое дело, если скакать будут помедленнее...

Уже заметно проступил вечер, и жёлтый кружок солнца начал тускнеть.

– Гроза-то будет? – поинтересовался дядька.

Мальчик кивнул.

– Ночью. А вы куда сейчас? Зверей лесных проведать? Вы же их из силков освободите?

Было порой в этих его вопросах что-то совсем ребячье, никак не вязавшееся с серьёзным видом и обстоятельными ответами всезнайки.

– Ну а как же... Это мы так, для порядка балуемся. У нас ведь самобранка есть, да и яга чем только не попотчует... А тебе уж, поди, к черномору пора?

Кирилл кивнул.

– Пора.

– Не очень-то хочется, как я погляжу?

Мальчик, помедлив с ответом, вдруг шмыгнул носом.

– Он врать опять будет.

– Ну, Лёха-то наш может и почище чего-либо сочинить...

– Так он же не для себя. Он для гармонии, – проговорил Кирилл. —

И, не дожидаясь Лёхиного восклицания, добавил:

– Для лада душевного.

– Точно! – гаркнул-таки Лёха. – Я только, чтобы общество порадовать.

«Общество» одобрительно загудело.

– Ну, я пойду, пожалуй, – с некоторой запинкой произнёс мальчуган. – Увидимся.

Богатыри стали поочередно его обнимать, а Степаныч, как и при встрече, ещё и подкинул в воздух:

– Эх, серьёзный ты наш! Тебе бы в салки играть, а ты круглый день в заботах!

– Надо так, дядя Степаныч...

Подул ветерок, и на акварели неба показались облачка.

– С громом и молниями? – прищурился дядька.

– Как ты и любишь, – последовал ответ.

Направляясь к жилищу колдуна, Кирилл осторожно обогнул дремлющего в теньке под елью кота, даже во сне забывавшего чрево вещать в режиме радиоточки:

– Ну и что, что я эгоист? Эгоисты самодостаточны. Альтруисты слишком много на себя взваливают, а стало быть – и от других ждут многого, а это зря; они сплошь подвержены пьянству, в конце концов именно они и становятся циниками – как пить дать становятся, изрядно потрепав своё эго. Два эгоиста вполне могут мирно сосуществовать, а вот два альтруиста непременно угробят друг друга, не извольте даже и сомневаться – всенепременно угробят...

Мальчик лишь покачал головой.

Глава 2

Черномор маялся, и не было ему от этой маеты спасения. Да и что он, собственно говоря, мог поделаться-то? Вина на своём длинном и путаном веку он отродясь непил, зельем тоже никаким не баловался, ну а после былых подвигов интерес его к женскому полу изрядно пооскудел. Не говоря уж о том, что и силушка после возвращения его покинула – только на мелкий кураж теперь и хватало... Ох, скушно стало – скушно и тошно! И ведь знал, знал, что ждёт его наказание, и почти ведь смирился уже – но чтобы теперь быть в услужении какому-то приبلудному мальчишке! Вот зайвится сейчас, прожжёт насквозь своими гляделками – и заставит вытворять ненавистное. Его – его, черномора! – да подрядить хранить равновесие! Докатился – дальше некуда! Так он скоро и летать разучится. А ведь как было легко, как подвластна была стихия, когда нащупал он слабину в этом самом равновесии, и открылись ему за это силы немалые, и пьянящее ощущение власти и довольства всегда было с ним, и... О-хо-хох. Поторопился. Ещё бы немного выждать, чтобы наверняка уж, чтоб без всякого подвоха... А, вон идёт – имя окаянное, заступничек малохольный, – муравьёв ему в штаны! Успокоиться надо бы, подостыть, не показывать так круто неприязнь-то – а то как бы самому муравьёв обирать не пришлось без меры...

Муравьёв черномор не любил люто. В последнее время эти маленькие твари совсем обнаглели: свободно шастают по избе, забираются в постель, уши и в бороду, заставляя вырывать из поредевшего предмета былой гордости очередные клоки... А ведь не было их, в Лукоморье, не было! Уже потом, как вернулись они все назад из другого мира, ошалелые да одичавшие, эти насекомые тут и появились... Как напоминание, что ли?

В дверь постучали, и вошёл Кирилл. Черномор так и не пришёл в лад с собой, от несдерживаемого взъяра подпрыгивал на месте, как закипевший чугунок.

– Здравствуйте, дядя черномор, – вежливо обратился к колдуну мальчик. – Вы немного вспотели. Нездоровится?

– Я...это... вздремнул... и ... приснилось мне... плохое, – выдавил из себя собеседник.

– Всё равно, я постараюсь сегодня закончить урок побыстрее.

«Урок... Это кто же кого здесь учит-то, а? И чему? Да за что мне такое?? А-а-а!!!»

Черномора аж подняло над полом, метра так на пол-полтора. Потом были неконтролируемое падение и ругань. Мальчик, казалось, ничего не заметил. Он подошёл к зеркалу и ждал, пока перебесившийся колдун не присоединится к нему. Да, осталось от бывшего могущества гениального интригана только это зеркало, которое после возвращения хозяина в родные пенаты уже ни хрена не показывало, кроме ведра с помоями углу. Но в тот первый раз, когда заявился к нему без повода этот непонятно как вымахавший синеглазый мальчишка и, ни о чём не спрашивая, подошёл к зеркалу, а черномор встал в замешательстве у него за спиной, то вдруг почувствовал он, как руки его сами поднимаются и начинают выделять смутно знакомые пасы, а губы бормочут когда-то имевшую смысл абракадабру. И зеркало ожило. На этот раз в его перспективе отразилась гигантская волна, сметающая берег на своём пути. От мальчика вдруг отделилась тень и слилась с волной, а сам он стоял перед ожившей стихией, маленький и жалкий, пока не осел на пол. Черномор тут же прекратил махать руками, склонился над ним: «Ты чего?» Кирилл не отвечал. «Не дышит... Издох, что ли?» Внутренности согрело тепло. «Ещё раз убедиться... Не дышит. Неужто дождался? Неужто обратно теперь всё изменится? Да как бы меня опять в чём не обвинили – с них станется...» Внезапно испугавшись, черномор резво скакнул наружу, еле касаясь ногами земли досеменил до избушки яги («тьфу, а не яга! молодуха сердобольная, вот старая была – та кремень!») и по-дурному заорал: «С мальцом там чего-то стало, лежит бездыханный!» Выскочила яга: симпатичная такая бабушка-ягодка с дерзкими глазами и приятными округлыми формами. «Где лежит?» – только и спросила, и

рысцой, рысцой – туда. «Всё здесь вокруг этого мальчишки вертится...» – зачало внутри у черномора, но потом вспомнилось: «А ну как отвертелось уже?» В избе баба-яга склонилась над распротёртым тельцем в льняной рубахе, провела рукой надо лбом, потом над грудью и метнулась назад, шибив не сумевшего увернуться запыхавшегося чародея. Очень скоро она вернулась, держа перед собой заветную склянку, капнула из неё на лоб мальчика, на губы, на сосок над сердцем, и быстро-быстро что-то зашептала, зашептала... Кирилл открыл глаза, слабо выговорил: «Бабушка? Ты как здесь? Что со мной?» Яга, с трудом сдерживая нахлынувшую радость, строго поджала губы и ответила: «Душу-то легко терять научился, а обратно вернуть – нет? Или...» Она обернулась к черномору. «Ты что ли, старый, опять чудить вздумал?» Черномор, ещё до конца не пришедший в себя после воскрешения мальчика («нашёл же, кого на помощь звать, вот уж совсем из ума выжил...»), только зло плюнул на пол, чего раньше себе никогда не позволял. За него ответил Кирилл, вновь обретший румянец и самостоятельно вставший на ноги: «Не надо, наговаривай... Он – учитель мой, а я... я – плохой ученик. Не учёл чего-то...» Черномор, услышав о производстве себя в учителя, вторично плюнул на пол. «Учётчик ты наш!» – всплеснула руками яга и рассмеялась, тут же став победителем конкурса красоты в номинации «Кому за пятьдесят». – «Что-то ты шустр не по годам! Глаз да глаз ведь нужен!» Черномор наконец обрёл дар речи: «Ты вот что, малец – не ходи ко мне больше. Ни к чему старику нервы трепать». На что тот очень серьёзно ему ответил: «Но я должен, дядя черномор. Должен».

И точно, заявился чуть ли не на другой день, в сопровождении бабы-яги, лешего и Степаныча с телохранителями. И опять руки черномора начали выделять свой неподвластный ему уже танец, а губы складываться в терзающие подсознание слова. Зеркало на этот раз показало безбрежье снега и огромные ледяные глыбы. Мальчик стоял перед белым безмолвием, и из его живота на этот раз начала струиться эфемерная нить, и тень, покинувшая мальчика и слившаяся со льдами, вернулась затем обратно. «Ну, и что это было?» – прогудел Степаныч. «Это... трансмедитация», – немного запнувшись, выговорил чудное слово мальчик. В себя он пришёл на этот раз удивительно скоро. «И откуда ж тебе всё это ведомо?» – запустил руку в бороду дядька. И услышал в ответ: «Я не знаю откуда, дядя Степаныч. Я просто ведаю».

Много после этого чего ещё повидал черномора в зеркале: и грибы с человеческий рост, и огромный саркофаг, из которого хлестали языки пламени, и ослепительно пылающую, пожирающую саму себя комету, и смертельно напуганного тигрёнка, отважно шипящего на подлетающую механическую стрекозу, и горящее море, пропитанное чёрным, и огромные пропелшины в хмурой завесе тайги... Только радости ему это никакой не доставляло. Полыхнуло бы всё синим пламенем, вздыбилось да покорёжилось, да ветром аж сюда гарь и вопли донесло – вот тогда была бы ему улада, вот тогда силёнок бы у него прибавилось. «А ты и с войнами совладать можешь?» – как-то хмуро спросил он у мальчика, предчувствуя уже очередную подлянку. «Нет, с войнами не могу. Да и смогу ли когда – не знаю. Такую энергетику очень трудно перебороть». Ну, хоть так-то...

В этот раз открылась им пустыня: пески, пески – ни продыху от них, ни спасенья... Воздух, марево тягучее, навис над ними оттуда-то из-за предела, ещё чуть – и хлынет, иссушая всё до конца... Когда Кирилл вышел из транса, лицо его, в капельках пота, было хмуро и насто-роженно. «Не так что-то?» – для порядка спросил колдун, не очень-то и ожидая ответа. «Не пойму пока...» – обронил мальчик. – «Как будто...» И замолк. «Ну молчи, молчи...» После недавней вспышки злобы сил у черномора даже на обиду толком уже не хватило. Да и душно что-то в избе стало, как будто дотянулся и сюда давящий зной. «Гроза что ли будет?» – нехотя осведомился старик. «Да, дядя черномор, будет. Пора уже лишнюю энергию из Лукоморья забрать».

После ухода Кирилла черномор задремал и проснулся уже ночью, от раската грома. Избушку слегка потряхивало от ударов стихии, а когда молнии внезапно вспыхнула у него

прямо перед глазами, он шарахнулся и пребольно ударился затылком о стену. Скуля и причитая, он схватился за ушибленное место, но тут глаза его обратились к зеркалу, и он позабыл обо всём. Оттуда струился тяжёлый фиолетовый ответ, так знакомый ему по прежней ворожбе. «Неужели... неужели... не забыли обо мне?» Он подскочил к зеркалу, поднял руки и... точно пелена какая спала; и, содрогаясь от сладостной дрожи, произнёс он заветные слова, всё это время ворочавшиеся внутри него в тяжёлом забвении, и узрел он черноту, и опять готов был служить ей всей своей верой и правдой...

Глава 3

Шла гроза, и леший встречал её с зажжённой лучиной. Русалка ругала его за это, и он обещал ей не засиживаться ночами, хотя... какой в этом был смысл? Она говорила, что ей так легче, что, когда она видит у него свет, то не может найти себе места. Но с ней всегда было море, это странное море... А с ним сегодня будет гроза.

Какая это уже на его счету? Десятая, пятнадцатая? Они начались, когда мальчик стал захаживать к черномору, и за последний год случались всё чаще и были всё безудержнее. Леший любил грозы; вообще любил буйство стихии – метели, ливни, штормы... То, что жгло его изнутри, в такие часы немного отступало. После этого он, случалось, легко и сразу засыпал, и ему снился он, молодой и безбородый, без гривы спутанных волос и тревожного блеска в глазах, и он куда-то шёл по шемяще-знакомой улице и знал, что в конце пути его ждут. Кто, что? Он знал и это, но только во сне; а когда просыпался, то мучительно пытался удержать ускользающие обрывки этого знания, но – напрасно. Он снова был лешим.

Но оставалась тоска в нервном сплетении. И тревога, тревога и страх овладевали им, когда он иногда смотрел на русалку, и на какое-то мгновение лицо её растекалось, и под маской он обнаруживал иные черты; и одновременно русалка замирала, глядя на него испуганной зеленью глаз, и видела что-то своё, размытое во времени... И другие поспешно отводили взгляд, когда тот чересчур долго замирал на игре света и тени на их лицах, пряча смятение за нарочитой грубостью. Дядька иногда проговаривался: «Ну, что смотришь-то? Такой же малохольный, только в придачу ещё и слово не вытянешь...» А баба-яга – как она была рада, когда прибежала на детский крик и увидела озирающегося лешего с ребёнком на руках и плавающую в море русалку, как она рванула прежде всего к ней: «Аделаидушка, горемычная моя!»... и как осеклась, когда та ей в ответ: «Русалка я, бабушка, а никакая не Аделаидушка...» Они никогда не делали попыток разведать у других что-либо о том «малохольном» и той «Аделаидушке», боясь пошатнуть хрупкое кем-то выстраданное равновесие. Они были частью этого мира... Его одинокой частью.

Вдвоём на какое-то время им становилось легче, и русалка даже иногда выпускала неуверенный смешок, а он сочинял сложное предложение, но потом оба начинали чувствовать неловкость, как будто они подглядывали со стороны сами за собой, и леший тогда поворачивался и уходил от их излюбленного кусочка берега, скрытого от чужих глаз причудливым нагромождением замшелых камней, а русалка скрывалась в фиолетовой глубине, ища в ней спасенье от земных миражей...

Младенца сразу забрала в свою избушку яга, осведомившись предварительно у русалки: «Как назвали-то? Кириллом, поди?» И с той поры и до настоящего дня главной обязанностью лешего стал сбор трав и корешков, из которых бабка, не доверяя никому, варила свои отвары, нещадно браня лешего, если он не удосуживался в срок раздобыть редкий первоцвет, или, того хуже, самовольно приносил туюсок каких-либо ягод. «Ах ты – кочка болотная, аспид недоношенный, ворвань протухшая!» – бушевала тогда яга. – «А ну, давай – жри своё подношение; давай-давай, гнилушка ты подколотная, мочалка ты ежовая – да не бойся: я уж прослежу, чтоб ты сразу-то не издох!» Если русалку яга откровенно избегала, то лешего без зазрения честила по любому поводу. Да ещё и кота наускивала.

С котом у него вообще не заладилось. Сначала тот всё кружил рядом, подмигивал и предлагал создать артель по производству какого-то киселя, при этом предлагал ему свою вечную дружбу и половину доходов – сорок процентов. После недоумённого отказа лешего ушастый барыга обиделся, наладил отношения с бабой-ягой и стал мелко и по-подлому отравлять лешему жизнь. То нашепчет яге, что «перерожденец» критически отзывался о её методах кормления ребёнка, то подкинет в лукошко бузины, а то и вообще пустит слух, что «леший-то наш –

никакой не леший, а замаскированный под него морской конёк, русалкин, стало быть, любовник», и в доказательство сего несколько ночей подряд дико ржал и скакал по берегу, имитируя необузданную страсть скинувшего чужое обличье конька, пока наконец не был отловлен осерчавшим дядькой и не отправлен на остров Буян помышковать пару-тройку дней. Получил он тогда нагоняй за самодеятельность и от бабы-яги, после чего перестал сублимировать, а деятельность своей кипучей и вредной натуры направил на предотвращение контактов лешего с дитём, за что и получал от яги в течении изрядного времени приличную надбавку к положенному вековыми обычаями рациону. Выглядело это так. Наделает, бывало, леший свистулек да погремушек, чтобы мальчонку побаловать, и где-то на полдороге к избушке яги наткнётся вдруг на вольно развалившуюся здоровенную кошачью особь, урчащую что-то себе под нос. И не то, чтобы обойти её было никак нельзя, но почему-то каждый раз останавливался леший и прислушивался к этому бессвязному, в общем-то, бормотанию, а потом и присаживался рядом, а потом и ложился. И просыпался уже часов эдак через двадцать в каких-то зарослях, о существовании которых и не подозревал, да ещё и полдня тратил на дорогу домой, ходя по кругу, как будто сам себя сглазил. Однажды леший всё-таки осерчал на затейника, и, обнаружив его на пути, уши развешивать не стал а взамен напустил на говоруна диких пчёл, которые слушать того тоже не пожелали и зашугали до полусмерти. В отместку кот поставил на лешего обманом уведённый у богатырей силок, в который леший быстренько и угодил, вывихнув ногу, после чего прилюдно пообещал животному неслыханную кару. Кот, поняв, что на этот раз опасность над его шкурой нависла нешуточная, ушёл в подполье и был вытащен оттуда за шкуру хозяйкой подполья, бабой-ягой, которой быстро надоело расточать свой темперамент в прямых сварах с «перерожденцем».

Прямая война кота и лешего прекратилась, когда мальчик в одночасье подрос и шустро стал убегать из-под опеки яги, ловко проскальзывая в открытую дверь прикорнувшей в теньке избушки, семена затем маленькими крепкими ножкам по всему Лукоморью. Он частенько навещал лешего, сидя рядом с ним на крылечке и наблюдая, как тот вырезает свистульку или чинит одёжку. На берегу моря его ждала русалка, неистощимая на рассказы о подводном мире, не видимом глазу. Богатыри без меры баловали глазастого мальчугана чем ни попадя, забирая его с собой и в чашобу, и даже на стражу. Кашей разрешал ему играть в своём подземелье. Забегал мальчик и на болота к водяному, где его осторожно щекотали кикиморы. Кот всё пытался рассмешить его своими рассказами, сам, бывало, до слёз изойдётся, да всё бестолку: смотрит на него отрок, кивает, да и уходит невесело, думая о чём-то своём. Только к черномору Кирилл до поры до времени не захаживал...

Небо раскололось на части, и тут же вдарило так, что у лешего зазвенело в ушах. Он помотал головой, прогоняя оторопь, и вдруг... тревожный наэлектризованный воздух прорезал далёкий вскрик:

– Андрей!

Леший вздрогнул, задыхаясь, выбежал из избы – и тут сверкнуло ещё раз, прямо у него перед глазами.

И он упал в зашумевший дождь.

Глава 4

Кашей смотрел на золото. Всю жизнь он на него смотрел, и всё пытался понять, какая-то такая в нём сила заключена, что заставляет подчиняться всего, без остатка? Вот камушки взять – рубины, сапфиры, алмазы, жемчуга – нет, не имеют они над ним, кашеем, власти, равнодушно он смотрит на их переливы, а стоит вот только лучику пасть на грудь жёлтого металла – и всё, не оторваться: каждая тeneвая жилка будто внутрь тебя заглядывает, каждый сполох голову дурманит, и тянутся дрожащие руки согреться в тлеющем пламени... Такая, значит, участь его: рабом быть у золота, копить его и копить, нисколько не расточая, а зачем... хоть и умён он, и догадлив – а не понять. Допытывался он как-то у черномора в былые времена, какой во всём этом может быть толк, тот же только туману подпустил: мол, не гадай на судьбу – себе горше выйдет, а время придёт – всё и узнаешь. Ох, не простое это, судя по всему, будет время, ох не простое – как бы концом всех времён не оказалось... Да и когда они были простые-то, времена? Всё в муках дерзновенных, в делах да подвигах... И всё без сподвижников, всё в плевках да оговорах... Взять хотя бы ту же историю с Василисой. И никакая она была не прекрасная, это уж потом молва из неё красавицу сделала, а была она так себе баба, шальная да потасканная, правда, с огоньком в глазах, и золото любила чуть ли не сродни ему, потому и нашла дорогу в Лукоморье – в то ещё, запредельное – и к нему, к нему... Ну что ж, пригрел он её; он тогда помоложе был – худой да трепетный, на ласку падкий. До поры до времени в тайне всё держал, сидела она у него в подземелье да сидела, на золото любовалась – да вот не усидела, наверх её, егозу, потянуло. Обиделись тогда все на него: мол, зачем оберег рушишь? Он тогда черномора-помощничка не выдал, на себя всю вину взял, покался, и пришлось ему на план затейливый соглашаться по выдворению этой самой Василисы на прежнее место жительства. И богатырь нашёлся – мужик её, Ванька, которому черномор чего только не обещал, лишь бы тот на труд ратный отважился, а тот всё ни в какую. А без этого никак нельзя было: человек должен был её в свой мир увести. Наконец, уломали кое-как молодца, и явился он за своей ненаглядной – весь как мышь мокрый с перепугу... Потом, правда, осмелел, да настолько, что вызвал-таки его на бой, наговорил отсебятины с три короба, пока в текст не попал, да и сломал наконец иглу, завершив обряд ко всеобщей радости... Дал он тогда слово не водить сюда людей более, да что толку-то? Всё равно по черноморову хотенью всё тогда вышло, и они сами вскорости людям возьми да и откройся. Хитёр, черноморушко, ох хитёр...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.